

Виктор Михальченко

Жизнь нуждается в милосердии

К истории Шуваловского приюта

Призирайте нищих, оденьте нагих, напитайте алчущих.

Большей путаницы, чем с приютом Общества призрения неимущих и помощи нуждающимся, в одесской краеведческой литературе вряд ли удастся отыскать. Причина всей этой неразберихи, в первую очередь, кроется в том, что благотворительное общество, которое устроило этот приют, несколько раз меняло свое название, а сам приют со своими призреваемыми переезжал с места на место и при этом также переименовывался.

Традиция призрения «убогих и сирых» уходит своими истоками на сотни лет вглубь истории нашей страны. Примечательно, что уже в XIX веке число различных благотворительных и попечительных обществ в Одессе переваливало за другой десяток. Особое внимание одесские благотворители стремились обратить на условия существования самых бедных и нищих слоев. Так, в 1854 году был учрежден Комитет по призрению неимущих, а в октябре 1878 года заботами княгини М.А. Гагариной-Стурдза основано Общество помощи бедным г. Одессы.

Мы же поведем речь об одесском Обществе призрения нищих (носившем такое название на момент образования), которое своим созданием во многом обязано неустанной организаторской деятельности генерал-майора Константина Матвеевича Минчаки, стоявшего в 1873 году у его истоков. Небольшая группа частных лиц в течение первых семи лет оказывала те или иные услуги нищенствующим слоям одесского населения. Однако по-настоящему первое организационное заседание членов Общества призрения нищих состоялось лишь 3 мая 1881 года

в Биржевой зале, среди его участников были архиепископ Херсонский и Одесский Платон (Городецкий), генерал-губернатор князь А.Н. Дондуков-Корсаков, одесский градоначальник камергер С.Н. Гудим-Левкович и другие. После обсуждения отчета и задач на ближайшее будущее состоялись выборы распорядительного комитета, создаваемого для организации и ведения всей попечительской работы. Председателем комитета избрали Минчаки, а членами правления стали Бродский, Тимченко, редактор «Одесского вестника» Зеленой, профессор Шпилевский и казначей Сутягин.*

В ходе обсуждения основного доклада председателя общества Дондукова-Корсакова возникло предложение об учреждении собственного приюта для нищих. Идея многим понравилась, таким образом можно было ближе увидеть нужды неимущих и дать им надежду на законное членство в обществе безбедного существования. Распорядительный комитет на своем заседании 17 мая того же года принял решение обратиться в городскую Думу с прошением о бесплатном отводе городской земли в размере одной десятины для построения приютского здания. Положительный ответ последовал 18 февраля 1882 года, когда Дума своим постановлением закрепила за Обществом призрения неимущих место в самом начале тогдашнего Внешнего бульвара вблизи Херсонского полицейского участка, а проще говоря – среди первых номеров с правой стороны по нынешней Старопортофранковской улице. Участок размером в 505 квадратных саженей напротив отделения Городской больницы отдавался с условием, что в случае прекращения существования Общества или упразднения приюта отведенное ему место со всеми находящимися на нем строениями немедленно перейдет в собственность города, без всякого за него вознаграждения.**

Тут же нашелся и щедрый жертвователь, сочувственно принявший на себя все денежные расходы по устройству приюта. Им оказался одесский почетный гражданин Абрам Маркович Бродский, богатый предприниматель и филантроп. К концу лета 1883 года строительство здания приюта, которому «могут позавидо-

* Ведомость Одесского городского общественного управления. – 1881, 6 мая, с. 5.

** Известия Одесской городской думы. – 1900, № 8, с. 1222-1225.

Приют призрения неимущих

вать не только Москва и Петербург, но и многие европейские города», было завершено. Приют действительно можно было назвать самым комфортным богоугодным заведением того времени в Одессе, поскольку для внутреннего освещения в нем использовался газ, для отопления всех помещений – термические печи, устроенная вентиляция доставляла в комнаты достаточное количество свежего воздуха, и конечно же, вода – она была проведена повсюду. Помимо двух просторных спален на 50 кроватей в приюте была еще целая анфилада небольших комнат на 10-15 кроватей. Все металлические кровати, кстати, были снабжены матрасами, белыми холщовыми простынями, фланелевыми одеялами и, что самое интересное, – подушками с белыми наволочками, «набитыми мягкой морской травой».^{***}

Архиепископ Херсонский и Одесский Димитрий (Муретов) вместе с соборным духовенством освятил здание приюта 8 сентября 1883 года. Присутствовавший при этом профессор богословия Новороссийского университета протоиерей Александр Кудрявцев произнес торжественную речь, которая представляла

^{***} Одесский вестник. – 1883, 10 сент., № 199.

собой своеобразный очерк благотворительности в Одессе. В центре внимания был устроитель заведения – Абрам Бродский, он же организовал памятный завтрак – как для почетных гостей, так и для призреваемых. На его капитал первые нищие, принятые в приют, были одеты с ног до головы. В столовой их потчевали борщом, подавали жаркое с чаркой водки, а на десерт – красный арбуз, причем дополнительно к этому каждый получил полбутылки пива.

В зале, где собрались почетные гости торжества, в тот день звучало немало тостов, один из которых произнес одесский градоначальник Павел Павлович Косаговский в честь благотворителя Бродского: «Одесса по многочисленности имеющихся в ней благотворительных учреждений справедливо занимает в ряду российских городов одно из первых мест. Мы чествуем сегодня открытие еще одного в высшей степени полезного, необходимого учреждения – приюта для нищих, в устройстве которого Одесса уже давно чувствовала настоящую потребность. Среди нас есть немало лиц, которые принимали участие в деле благотворительности вообще. Посильная лепта, которая вносилась каждым из нас для упрочения и дальнейшего процветания этого дела, далеко еще не достигла той благой цели, которая преследуется благотворителями для оказания помощи всем без различия вероисповедания, звания и положения страждущих и неимущих. Дело учреждения в Одессе приюта для нищих всецело обязано своим существованием А.М. Бродскому, пожертвовавшему необходимую сумму не только на сооружение дома для приюта, но и на всю его обстановку. Апостол Павел, – продолжал градоначальник, – говоря о благотворительности, упоминает, что в деле оказания помощи ближнему одинаково важно – оказывает ли помощь «евреем или эллином». Таким образом, по словам апостола, благотворительность не знает ни различия национальностей, ни вероисповедания. Наша южная красавица Одесса отныне может гордиться, что и нищие в ней не забыты: в этом здании они найдут себе хороший приют, который несомненно займет одно из самых видных мест в среде благотворительных учреждений города Одессы. Отныне улицы Одес-

сы не будут наводняться нищими. Позвольте предложить тост за Абрама Марковича Бродского».*

Почему именно эта речь интересна сама по себе? Дело в том, что рядом с самим благодетелем на освящении приюта находился председатель Общества призрения нищих одесский городской полицмейстер полковник Яков Иванович Бунин, впоследствии возглавлявший Общество в течение двадцати лет. Он появился в Одессе за год до описываемого события, в начале лета 1882 года, и занял здесь ответственный полицейский пост. В том же году был избран на должность председателя распорядительного комитета Общества призрения нищих, которая с тех пор навсегда закрепилась за одесскими полицмейстерами. Общеизвестно, что первое время Бунин пытался очистить ряды вверенного ему ведомства от полицейских-евреев, но осмотревшись и ближе познакомившись с Одессой, он во многом изменил свои воззрения на национальный вопрос. Хочется думать, что и речь, произнесенная градоначальником Косаговым, отчасти предназначенная и для ушей Бунина, сыграла не последнюю роль в становлении преданного Одессе полицмейстера.

Как показало время, в общественной жизни города Яков Иванович Бунин занял достойное место среди многих именитых благодетелей. Не в меньшей степени это относится и к его супруге. Здесь можно привести одно интересное письмо, относящееся к более позднему периоду и направленное 18 марта 1893 года секретарем государыни императрицы к супруге Бунина:

«Милостивая государыня Александра Александровна!

Ее величество государыня императрица, известясь от супруги господина обер-прокурора Святейшего Синода Екатерины Александровны Победоносцевой, что устраиваемые Вами в течение последних 8 лет в г. Одессе спектакли и концерты в пользу состоящего под августейшим покровительством ее императорского величества Дамского комитета по снабжению одеждой и пособиями для начального образования бедных детей на о. Сахалин, дали средства на изготовление платья и обуви для этих детей, и что в текущем году Вами собрано для этой цели 3.600 р. и заготовлены некоторые вещи, всемилостивейше изволила пожало-

* Там же.

вать Вам в изъявление признательности ее величества за таковую полезную деятельность Вашу брошь с драгоценными камнями...».*

Как бы то ни было, но с приходом Якова Ивановича общество заметно расширило свою деятельность, а после открытия приюта удалось достигнуть того, что ежедневно в его стенах призревало более 330 нуждающихся. При вступлении его в должность председателя капитал общества составлял около 28 тысяч рублей. За первые десять лет

Полицейстер Бунин

удалось закончить ряд дополнительных к приюту построек на сумму 20 тысяч, расходы на содержание нищих возросли с 8 тысяч рублей до 17 тысяч в год, при этом основной капитал не только не уменьшился, а напротив, достиг к 1893 году 38 тысяч рублей.** Одним словом, такой выбор председателя для общества был, пожалуй, самым удачным, ибо кроме большой должности в городе Бунин еще имел высоких покровителей в Петербурге – его родной дядя был не кто иной как обер-прокурор Святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев.***

По многим причинам приют общества пользовался заслуженным почитанием как у самих нищенствующих, так и у одесских благотворителей, останавливающих на нем свой выбор при желании принести свою добрую жертву. Поток благодетелей для приюта, как правило, не прекращался в течение всего года, но особенно щедрым был в дни рождественских и пасхальных празднеств. Для наглядного примера можно привести лишь малую часть из

* Ведомости Одесского градоначальства. – 1893, 16 марта.

** Там же. – 1893. – 25 апр., № 89.

*** Записки архиепископа Херсонского Никанора Бровковича // Русский архив. – 1906, № 8, с. 506.

большого перечня пожертвований граждан различных слоев одесского общества. Так, в апрельские дни 1889 года в канун Пасхи в приют призрения нищих поступили следующие дары: от потомственной почетной гражданки А.Я. Токаревой для призреваемых детей: каждому из 40 мальчиков блузу, брюки и кушак, а 22 девочкам платье и фартук для каждой; от антрепренера Русского театра Максимова 50 рублей; от Федора Карповича Ткаченко 11 пудов 23 фунта пасхальных хлебов и 400 яиц; от Анны Григорьевны Камковой 100 малых белых хлебов; от Марии Трофимовны Исаевой один пасхальный хлеб и 50 яиц; от Антона Андреевича Ушакова стихарь с принадлежностями; от Митрофана Павловича Корчинского 2 пуда говядины; от Ивана Степановича Алексеева 69 пасхальных хлебов весом около 9,5 пудов; от Ирины Васильевны Мазан 4 шестифунтовые восковые свечи и 25 фунтов пряников.

Кроме этого, жена устроителя приюта Розалия Артуровна Бродская, долгие годы являясь почетным членом Общества призрения нищих, ни до, ни после смерти Абрама Марковича, последовавшей в 1884 году, не оставляла своих забот о призреваемых в приюте. В число почетных членов, обычно насчитывавших 10-15 человек, как правило, входили: правящий архиерей Херсонско-Одесской епархии, градоначальник и городской голова, полицмейстер, ряд купцов и влиятельных лиц Одессы. А вот численность действительных членов общества порой превышала полтысячи человек, в состав их входили представители самых широких имущественных и сословных слоев разношерстного одесского общества. Потому и суммы пожертвований в течение года составляли десятки тысяч рублей. Кроме этого, по несколько раз в году в Городском саду, в Аркадии и других местах города устраивались народные гуляния с лотереей в пользу приюта. К этому добавлялись средства, которые отчисляли со своих представлений и концертов местные и заезжие театры, цирки и индивидуальные творческие личности.

Но все эти достаточно большие по тем временам деньги полностью уходили на каждодневные заботы по призреванию бездомных и сирот. Сегодня приходится только диву даваться, каким образом небольшому составу служащих в приюте Общества

призрения нищих удавалось в течение года окружить ежедневно вниманием в среднем 200-300 обездоленных. Потому, несмотря на столь крупные средства, которыми обладало общество, расход на питание каждого призреваемого в конечном итоге составлял всего 10-20 копеек в сутки. Основная масса денег общества уходила на освещение и отопление помещений, на периодически проводимую дезинфекцию, на ремонт и переделки зданий, на починку различных хозяйственных вещей, на покупку учебных пособий, обуви и одежды. Отдельной статьёй стояли расходы по отправке на родину беспризорных детей и взрослых, прибывающих во множестве в Одессу.

Если в обычных городских приютах численный состав воспитанников, как правило, был постоянным, то характерной чертой и уникальной особенностью приюта Общества призрения нищих была непрекращающаяся текучесть призреваемых. Ежедневно сюда поступали все новые и новые бездомные. Основными поставщиками голодных и оборванных бродяг, отловленных на улицах Одессы, были околоточные надзиратели. Каждого из бродяг нужно было осмотреть, продезинфицировать, одеть, накормить, а затем решить дальнейшую его судьбу. Обязательный медицинский осмотр проводил доктор, который, как правило, был членом комитета Общества и оказывал услуги безвозмездно. Многие годы эту обязанность в приюте нищих выполнял частный врач коллежский советник Карл Романович Генрихсен. Часто его заключение было решающим при определении нуждающихся на лечение в Городскую больницу.

Кроме определения общего состояния прибывших в приют необходимо было установить личность каждого и причастность его к жизни «бандитской Одессы». Не раз после выяснения всех обстоятельств нашкодивших беспризорников тут же передавали обратно в руки полиции. Иных направляли в Городскую богадельню, а случалось, что отдавали родственникам, как местным, так и иногородним. И все же основной контингент бездомных и обездоленных стремился остаться в стенах теплого и сытого приюта. Те, кто был способен к каким-либо ремеслам, находили применение своим талантам в мастерских, созданных при приюте. Здесь шили обувь и одежду, изготавливали различные столяр-

ные изделия. Например, в течение всего 1892 года в мастерских было сделано: 200 пар башмаков различной величины и произведена починка обуви. Пошито «портняжеской» одежды: рубах – 218 мужских, 187 женских, 302 для мальчиков и 177 для девочек, одеял летних – 105, матрасов – 24, наволоч для подушек – 100, фартуков – 104, платьев девичьих – 83, косынок для них же – 20, теплых пальто для мальчиков – 12, летний костюм надзирателю – 1, утиральников – 187, платьев для старух – 10, кофт женских – 2, и 80 носовых платков. Из столярных изделий: 4 двери, шкаф для библиотеки и разные починки и поправки.

Со взрослыми бездомными и нищенствующими, в основном выходцами из мещан или бывших отставных солдат, часть из которых имели как врожденные недостатки – отсутствие слуха, голоса или зрения, так и приобретенные увечья, было проще – их всегда пристраивали к той или иной работе. А вот с детьми, которых в приюте было большинство, из-за их неуравновешенного, а порой и дерзкого характера, приходилось сложнее. Тем не менее, многие из них тоже трудились в мастерских, а более способных отдавали на обучение столярным, сапожным, цирюльным, переплетным и часовых дел мастерам. Были случаи, когда некоторых детей даже усыновляли. Ну и, конечно же, время от времени, отжив свой бранный век, призреваемые умирали здесь же, в приюте.

С первых дней основания приюта комитет Общества призрения нищих озаботился созданием школы для обучения призреваемых детей основам грамоты. Одна из комнат была переоборудована под класс. В 1893 году школа была преобразована в народное училище, законоучителем куда был определен священник приютской церкви Михаил Мирославлев.* Был в приюте и свой небольшой домовый храм, об истории создания которого пойдет речь в следующей части статьи.

Продолжение следует

* ГАОО. – ф. 16, оп. 104, д. 45, л. 1.